

То был 2002 год.

Из-за болезни матери Ма Сань в последние дни то и дело бегал с сыном в горы, надеясь подстрелить побольше дичи, чтобы продать её в городке и накопить денег на лечение. Раньше он всегда ходил в лес с отцом, но после того, как отец скончался, а охоту с ружьями запретили, Ма Сань не брал в руки оружие вот уже шесть лет.

Хотя многие в соседних деревнях продолжали тайком промышлять охотой, отец перед смертью с сожалением говорил, что Ма Сань так и не овладел мастерством, поэтому лучше ему остаться дома и возделывать землю — охотой сыт не будешь. Будучи сыном охотника, Ма Сань не обладал ни умением выслеживать зверя, ни меткостью отца. Даже мать поговаривала, что если бы они с отцом не были так похожи лицом, она бы и не поверила, что он его родной сын — уж больно бездарен.

Увы, отец был прав. Ма Сань провёл в лесу уже четыре дня, а добыл лишь трёх зайцев да одного фазана, и того — силком. Сегодня был пятый день. Если он не добудет что-то ценное, болезнь матери...

Ма Сань знал, что ночной лес — это не то место, где он может чувствовать себя в безопасности, но при мысли о деньгах сжал зубы и решил рискнуть. Он отправил сына домой, а сам остался в горах на ночь.

Сгущались сумерки. Над лесом поплыл густой туман. Древние деревья сплелись ветвями, образовав плотный зелёный купол, скрывший небо, и лишь редкие лучи холодного лунного света пробивались сквозь кроны в лесную чащу. Ветер раскачивал верхушки, наполняя лес глухим шелестом, похожим на рокот опасного океана.

Ма Сань шёл по лесу, чувствуя, как холодная сырость пробирает до костей, отчего по спине бегали мурашки. В темноте, на неровной тропе, он чувствовал себя совершенно отрезанным от мира. Вдруг — кап! — что-то влажное упало ему на шею. Он осторожно коснулся кожи, поднёс руку к носу — вода. Ма Сань выдохнул, но тут же напрягся: неужели дождь? И точно, вскоре хлынул ливень.

Он укрылся под раскидистым деревом, но дождь усиливался, гремел гром. Оставаться под деревом было опасно, и он вспомнил про пещеру, которую, кажется, размыло селом в прошлом году. Решив, что это лучший вариант, Ма Сань рванул сквозь потоки воды.

Петляя, он добрался до входа. Осторожно осмотрел землю на предмет следов зверей — пусто. Убедившись в безопасности, он юркнул внутрь. Зайдя на несколько шагов, чтобы дождь не доставал, он обессиленно рухнул на землю. Посмотрев на бушующий снаружи ливень, Ма Сань понял, что тот продлится всю ночь. А что же охота?

Он сидел, уткнувшись лицом в колени, и тихо всхлипывал, стараясь, чтобы звук не перекрыл шум дождя. Всё из-за того, что он не учился у отца! Из-за того, что он такой бестолковый! Никакого ремесла, денег нет, сорок с лишним лет, а жена и сын живут впроголодь, мать

умирает, а на операцию не наскрести. Какой же он никчёмный...

Голова гудела, сил подняться не было. Вдруг из глубины пещеры донёлся какой-то звук — шорох, невнятный и тихий. Ма Сань наострил уши и с сомнением посмотрел в темноту. Показалось, будто кто-то плачет. Он застыл, ошеломлённый: среди ночи, в грозу, в пещере — кто здесь может плакать?

Ма Сань было дёрнулся к выходу, но замер. А вдруг послышалось? Может, это дыхание зверя? Но судя по следам у входа, крупных хищников здесь быть не могло. А если это зверь, и он дорогой? Тогда его ночная вылазка будет оправдана. В любом случае, снаружи дождь, охотиться негде. Почему бы не проверить?

Ма Сань опустил голову, постоял немного, а потом решительно тряхнул ею и, осторожно ступая, двинулся вглубь. Включив фонарик, он заметил, что пещера довольно глубокая, а местами проходы становятся совсем узкими. Это укрепило его в мысли, что крупных хищников тут нет. Он боком протискивался вперёд, стараясь не шуметь.

Шли минуты. Плач становился всё тише, вокруг воцарилась гнетущая тишина, слышны были лишь его шаги да редкие капли, падающие со сводов. Внезапно пространство расширилось — похоже, он дошёл до самого конца.

Ма Сань повёл лучом фонарика по стенам — обычные неровные камни, ничего особенного. Он пошёл вдоль стены и вдруг споткнулся обо что-то. Посветил вниз — несколько чёрных ящиков, сливавшихся с темнотой.

Затаив дыхание, он присел и открыл верхний ящик. В этот момент потянуло ледяным ветром, который пронёсся по его шее, заставив кожу покрыться мурашками. Ма Сань огляделся — никого. Облизнув пересохшие губы, он направил свет в ящик и широко раскрыл глаза.

Там были статуэтки! Ма Сань не разбирался в искусстве, но слышал, как в их краях находили подобные вещи в древних могилах — это были ценные антикварные предметы. Он сглотнул слюну: если это действительно антиквариат, то он сказочно богат! Хорошо, что он решил проверить звук, иначе прошёл бы мимо. Он радостно коснулся статуэток, вспоминая о плаче — должно быть, в пещере было слишком душно, вот и почудилось.

У-у-у... Хнык...

Ма Сань резко вскинул голову. Тишина. Будто слуховая галлюцинация. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах. Глупости, трусишь, как девчонка, выругал он себя и глубоко вздохнул.

У-у-у... У-у-у...

Звук повторился, теперь громче и ближе. Это был детский плач!

Уа-а-а! — крик стал пронзительным, казалось, ребёнок бежит прямо к нему.

Ма Сань в ужасе начал размахивать фонариком, и вдруг луч выхватил что-то в углу. Он сглотнул и медленно повёл свет туда. Пусто. Фух, ну и дурак же он, сам себя напугал!

Он выдохнул, обернулся к ящикам, и тут... прямо перед ними стоял ребёнок, опустив голову.

— А-а-а! Призрак! — Ма Сань свалился на землю, отползая назад. Плач становился всё ближе, волосы на голове встали дыбом. Почти на четвереньках он вскочил, схватил наугад одну из статуэток и бросился наутёк.

Он бежал вслепую, не разбирая дороги. Но как бы быстро он ни нёсся, за спиной слышалось тяжёлое дыхание: фу-фу... словно кто-то бежал вплотную к нему. Сердце Ма Саня сжималось от ужаса, он не смел остановиться. Споткнувшись, он выронил фонарик, но крепко сжимал статуэтку в левой руке, в темноте пробиваясь вперёд. В панике он не заметил, как узкие проходы, в которых он застревал раньше, теперь словно расступались перед ним, как податливая глина.

Бежал он долго. Когда дыхание за спиной стало таким тяжёлым, что, казалось, звучало уже в его собственной голове, Ма Сань рванул изо всех сил и вылетел наружу, кубарем покотившись по земле.

Он прижал статуэтку к груди и замер, вслушиваясь в собственное тяжёлое дыхание и бешеный ритм сердца. Пролежав так долго и убедившись, что рядом никого нет, он осторожно поднял голову. Влажная земля! Деревья!

Ма Сань широко открыл глаза, вскочил — он выбрался из пещеры. Не оглядываясь, он бежал, пока не выбился из сил, и рухнул на землю, жадно хватая ртом воздух.

Долгое время он не мог пошевелиться: поясницу ломило, всё тело болело, особенно плечи и ноги, в голове стоял туман. Ма Сань перевёл дух, ощупал статуэтку — цела. Превозмогая боль, он поднялся, опираясь на дерево, бросил последний взгляд на пещеру, спрятал находку и заковылял в сторону деревни. Каждый шаг давался с трудом, ноги казались налитыми свинцом.

Когда он вернулся в деревню Ситоу, люди уже работали в поле. Увидев, как Ма Сань хромает, словно после тяжёлой драки, соседи бросились к нему:

— Ма Сань, что случилось? Неужели медведь напал?

— Ничего, просто упал, — пробормотал он.

— Помогите ему! Кто-нибудь, позовите его сына!

Семья быстро прибежала и помогла донести его до дома. Уложив Ма Саня в постель, они увидели, что односельчане всё ещё крутятся рядом.

— Идите, идите, — сказал Ма Сань, задыхаясь. — Просто упал в горах, ничего страшного. Жаль только, вещь там оставил.

— Эх, главное, что сам жив. А вещь — небось волки растащили, не думай об этом.

— Верно, лечись давай. Если с тобой что случится, как же мать?

Соседи поболтали, поутешали его и, не найдя больше интересного, разошлись по делам. Сын Ма Саня присел на край кровати и виновато произнёс:

— Пап, я не должен был уходить...

Ма Сань хлопнул его по плечу:

— Если бы ты был там, лучше бы не стало. Вдвоём бы точно не выбрались.

Затем он спросил жену:

— Мать не знает? Не говори ей.

Жена покачала головой. Она и так слаба, если узнает, что с сыном беда приключилась, совсем сляжет.

— Что же теперь делать? — со слезами спросила жена. — Ты ранен, Ху-цзы охотиться не умеет, а денег в доме совсем нет...

Ма Сань огляделся, жестом велел сыну проверить, нет ли кого за дверью. Когда тот убедился, что в комнате никого, Ма Сань подозвал их ближе и достал спрятанную статуэтку. Увидев их недоуменные лица, он таинственно прошептал:

— Эту штуку я видел, когда работал в археологической экспедиции. Это сокровище!

Жена и сын прикрыли рты руками, переглянулись и прошептали:

— Правда сокровище? Ты нашёл его в горах? Сколько же за него дадут?

Ма Сань честно покачал головой:

— В горах. Но сколько стоит — не знаю.

Вспомнив странности в пещере, он твёрдо добавил:

— Но то, что это сокровище — точно!

— Пусть Ху-цзы тайком съездит в город... Нет, лучше в уезд. Найди там большой антикварный магазин и спроси, не могут ли они прислать оценщика на дом.

Ма Сань прижал статуэтку к себе — он не мог доверить сыну везти её в город, вдруг обманут или ограбят. Сын нервно кивнул.

<http://bllate.org/book/21354/2170936>